

В.С. Николаев

Кочевники юга Средней Сибири в XII–XIV вв.

В конце XI – начале XII в., накануне образования монгольского государства, лесостепные и степные пространства Ангары, Куды и Лены занимают племена кочевников-скотоводов, практикующие обряд погребения человека и животного (коня, коровы, овцы) совместно либо в отдельной могильной яме. В результате проведенного анализа погребального обряда и сопроводительного инвентаря все эти погребальные комплексы были объединены в усть-талькинскую археологическую культуру [1; 2; 3, с. 134–135] (рис. 1).

Анализ погребального обряда и радиоуглеродное датирование костных останков погребенных позволили выделить в усть-талькинской культуре два последовательных этапа ее развития: *догланский* и *усть-удинский* [3, с. 138, 158–159]. Первый этап характеризует погребальный обряд и материальную культуру кочевников Предбайкалья до монгольского завоевания, а второй дает характеристику культуры этих племен после подчинения и вхождения юга Средней Сибири в империю Чингисхана.

Догланский этап (XII – начало XIII вв.) представлен тремя некрополями: Усть-Талькин, Доглан (до 110 могил) и Сэгенутским могильником (8 погребений). Могильники Усть-Талькин и Доглан располагаются на юго-восточных склонах гор левобережья Ангары. Сэгенутский могильник находился на левом приустьевом мысу р. Манзурка при впадении ее в Лену. Всего исследовано 106 погребальных и 6 ритуальных комплексов. Погребальные комплексы имеют надмогильные сооружения из плит красноцветного кембрийского песчаника или известняка в виде плоских кладок и кольцевых (овальных) конструкций (рис. 2–I.-1). Средние размеры кладок 2,5×2,5 и 1,1×2 м. Захоронения коней (коров) присутствуют в могилах как совместно с человеком, так и в отдельной могильной яме перед погребением людей. Имеются совместные захоронения человека и овцы, коровы. Трупоположение животных в основном на животе, с подогнутыми передними и задними ногами (рис. 2–II.-2), присутствуют отдельные захоронения на боку (левом – правом). Внутримогильные конструкции либо отсутствуют совсем, либо представляют собой долбленные листовенничные колоды или дощатые ящики-гробы, дополнительно обернутые берестой. Имеются как одиночные, так и парные захоронения людей – женщин и детей, подростков. Трупоположение покойных – горизонтально-вытянутое на спине, руки вдоль туловища, кисти на бедрах или рядом с ними (рис. 2–I.-3). В могилах человека присутствуют остатки ритуальной пищи в виде костей скелета баранов и овец [3, с. 135].

На могильниках данного этапа среди погребений встречаются кенотафы – захоронения одних колод без костяка человека либо захоронения коней с предметным комплексом человека и ритуальные комплексы – захоронения останков «тризны» в виде отдельных костей коня или барана [3, с. 122–123].

Сопроводительный инвентарь захоронений догланского этапа включает в себя предметы быта: ножи, кресала, пряжки, берестяную и керамическую посуду; предметы вооружения: остатки сложносоставных луков, железные и костяные наконечники стрел, остатки берестяных колчанов, наконечники пальм, копье, железные панцирные пластины; украшения: остатки шелковых одежд, золотую серьгу, бусы, золотые, позолоченные и медные бляшки шапочек. В погребениях человека и коней присутствуют предметы конского снаряжения в виде железных удил и стремян, остатков седел (Г-образного рогового канта и петель торока), бляшек – украшений оголовья [3, с. 61–101].

В 1207 г. старший сын Чингисхана Чжочи (Джучи) совершил военный поход с целью подчинения северных «лесных народов». Поход закончился успешно. Были подведены под «высокую ханскую руку» ойраты, буряты, бархуты, урсуты, хабханасы, ханхасы, тубаласы, кыргызы и многие другие племена, проживавшие в Южной и Средней Сибири, на Алтае, в Забайкалье [4, с. 118–119; 5, с. 183–184].

После похода Чжочи и вхождения территории юга Средней Сибири в состав Монгольской империи в развитии усть-талькинской культуры наступает второй *усть-удинский этап (XIII–XIV вв.)*. Он представлен тремя большими некрополями: Шебуты-III, Усть-Уда, Озерок, которые располагаются на западных, северо-западных, северо-восточных склонах гор правобережья Ангары, и тремя одиночными погребениями: Уда, Галки и Балаганское. Всего исследовано 43 погребения. Надмогильные сооружения отсутствуют – на поверхности земли могилы визуально не прослеживаются. Захоронения коней или коров производятся в отдельных могильных ямах, на животе, с подогнутыми передними и задними ногами, перед погребениями людей либо рядом с могилой человека (рис. 2–II.-1). Внутримогильные конструкции представляют собой долбленные листовенничные колоды различных типов или дощатые ящики-гробы, дополнительно обернутые берестой. Имеются только одиночные захоронения людей. Трупоположение покойных – горизонтально, вытянутое на спине, руки вдоль туловища, кисти на бедрах либо рядом с ними (рис. 2–II.-2, 3). В могилах людей имеются остатки

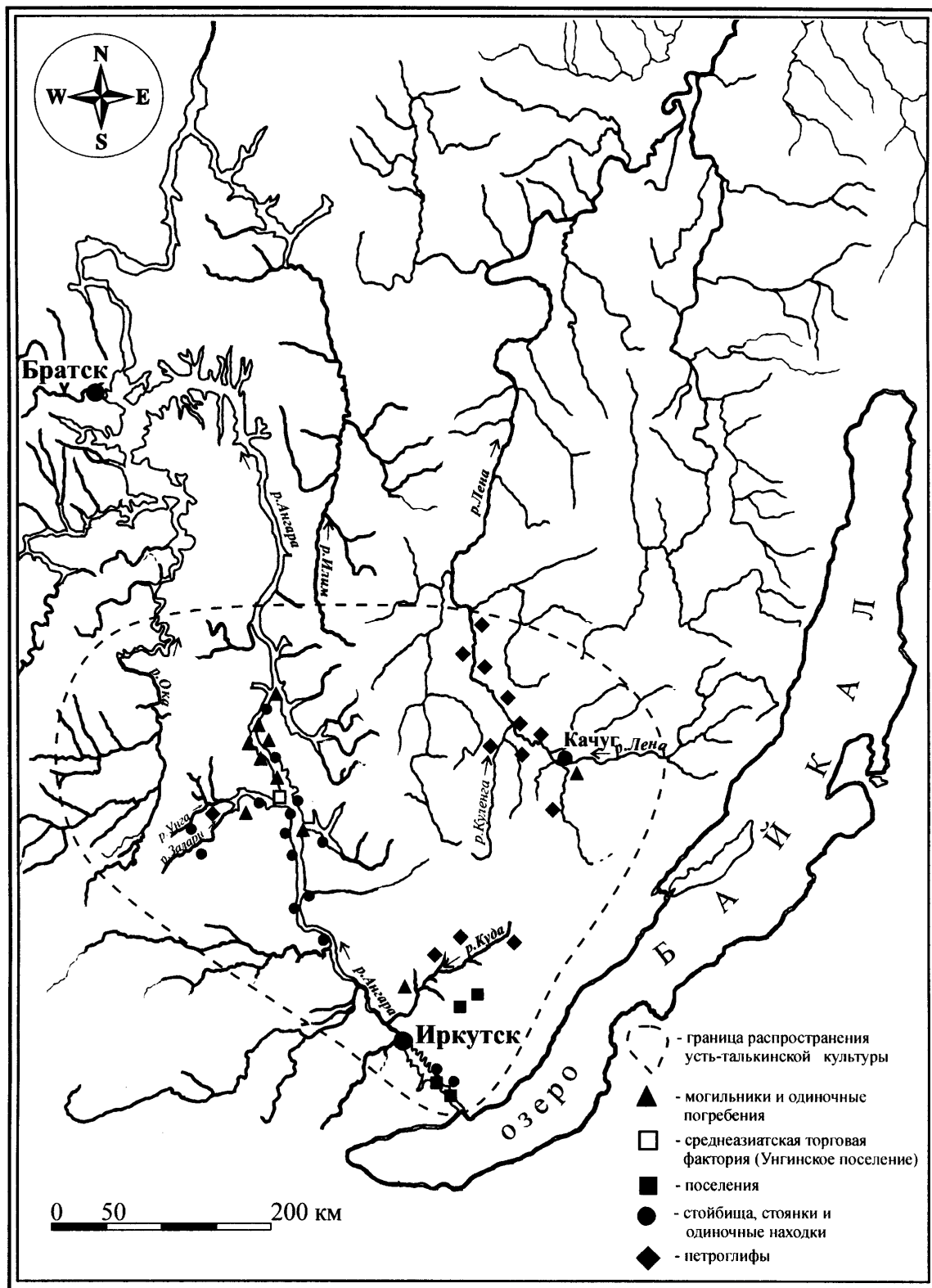

Рис. 1. Карта-схема с обозначением границ распространения памятников усть-талкинской культуры юга Средней Сибири

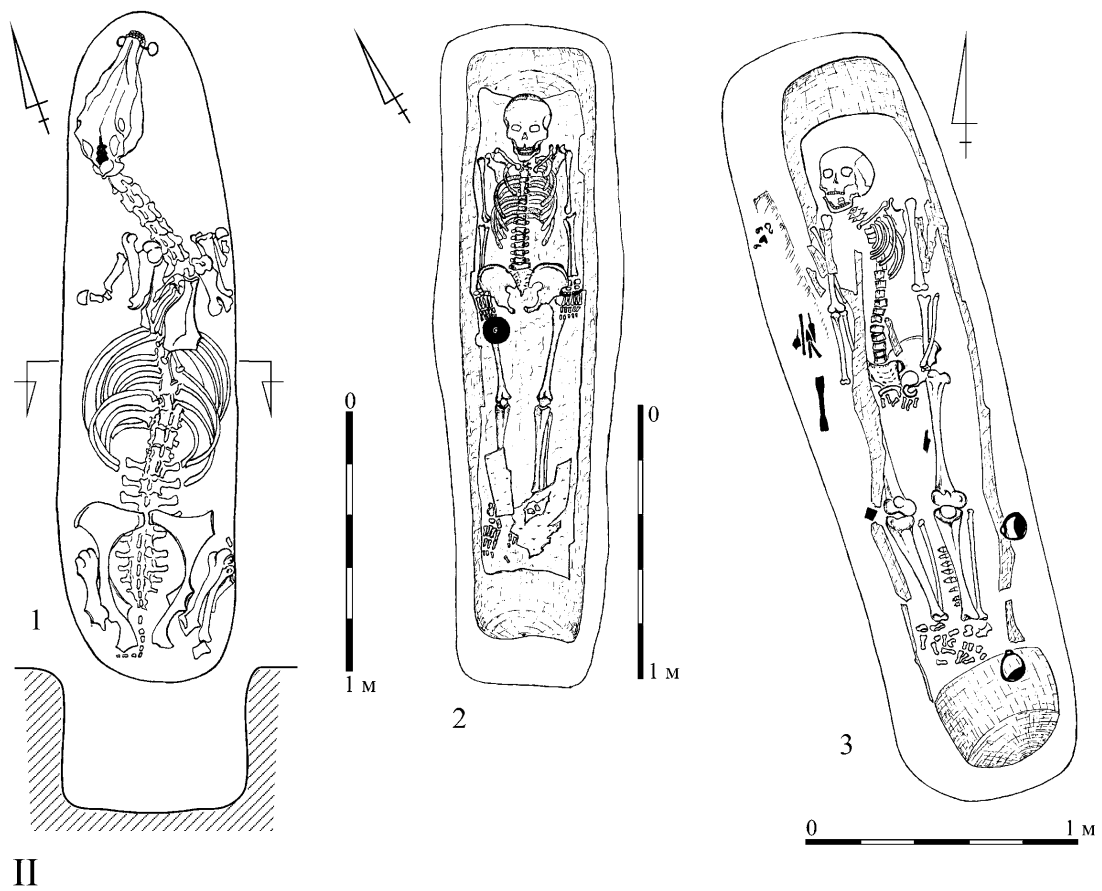
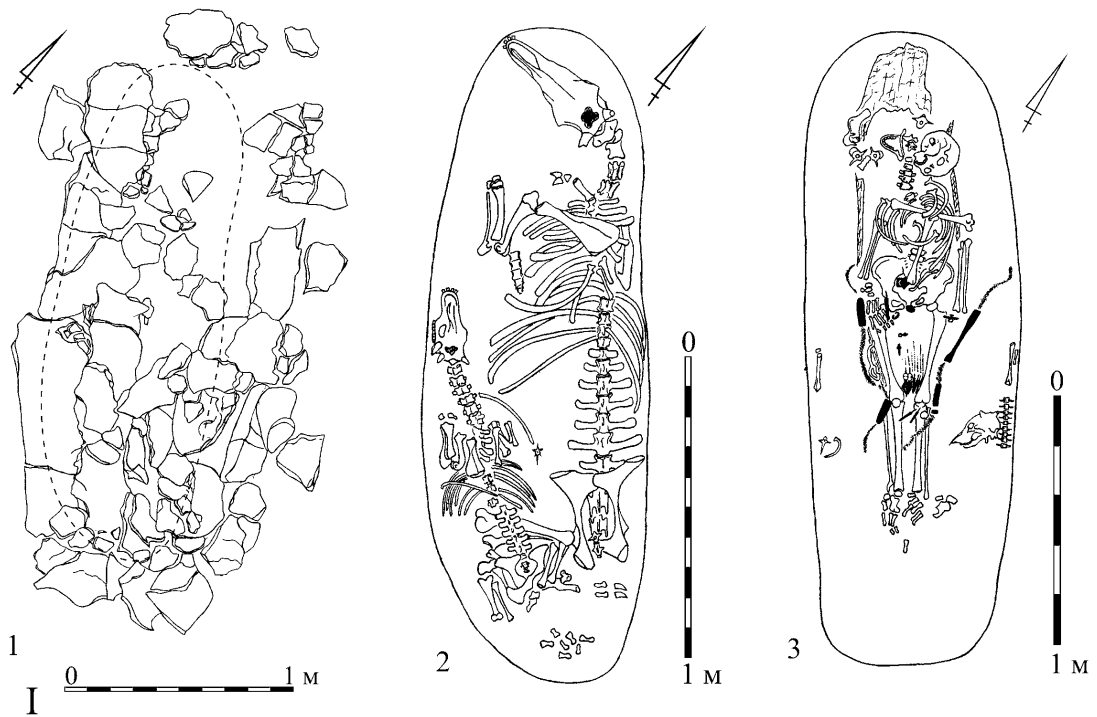

Рис. 2. I – догланский этап: 1, 2 – могильник Доглан, погребение №10; 3 – могильник Доглан, погребение №15; II – усть-удинский этап: 1 – могильник Усть-Уда, погребение №9; 2 – могильник Усть-Уда, погребение №6; 3 – могильник Шебуты-III, погребение №6

ритуальной пищи в виде частей скелетов баранов или овец [3, с. 135].

Сопроводительный инвентарь захоронений усть-удинского этапа представлен предметами быта: ножами, кресалами, пряжками, бронзовым зеркалом в кожаным чехле, ножницами, берестяной, железной, серебряной и керамической посудой, скобами, гвоздиками; предметами вооружения: сложносоставными луками, железными и костяными наконечниками стрел, кинжалом, пальмой, копьем, палашом, пластинами панцирей [3, с. 6–101; 6, с. 302–307, рис. 2, 3, 5]. В погребениях человека и коней присутствуют предметы конской упряжи – остатки седел (Т-образный кант, кольца и петли торока), стремяна, удила, подпружные пряжки, бляшки – украшения оголовья, тройники – распределители ремней оголовья. Отдельные экземпляры стремян и бляшек – украшений оголовья – имеют серебряную насечку [3, с. 252, рис. 71].

Хотя между двумя этапами усть-талькинской культуры и имеются различия (табл.), основа погребального обряда – наличие захоронений животных – осталась неизменной. Существенно не изменилась и ориентировка погребенных – головой на север, северо-запад, северо-восток. Сопроводительный инвентарь захоронений второго этапа гораздо представительней и богаче. Имеется большее количество предметов вооружения, конской упряжи, предметов быта и украшений. Следовательно, подчинение данной территории монголами не повлекло за собой уничтожения или переселения племен усть-талькинской культуры. Наоборот, кочевники Предбайкалья были вовлечены в культурную и политическую жизнь империи и, вероятно, даже участвовали в военных походах Чингизидов уже после смерти Чингисхана.

Основные отличия в погребальном обряде первого и второго этапов усть-талькинской культуры

Догланский этап – XII – начало XIII в.	Усть-удинский этап – XIII–XIV вв.
Захоронения сосредоточены на больших некрополях. Одиночные погребения отсутствуют.	Захоронения сосредоточены в основном на больших некрополях, но имеются и богатые одиночные захоронения
Каменные надмогильные конструкции над погребениями человека и животных	Без каменных надмогильных конструкций
Труположение человека на грунте без внутримогильных конструкций, либо наличие колоды, разнообразных дощатых ящиков, рамы	Обязательное наличие внутримогильной конструкции в виде колод, крайне редко ящика
Наличие парных погребений женщин и детей, парных погребений подростков и детей	Только одиночные захоронения
Наличие кенотафов – погребений животных с предметным комплексом человека или колод без костяков	Отсутствие кенотафов

Догланский этап – XII – начало XIII в.	Усть-удинский этап – XIII–XIV вв.
Наличие ритуальных комплексов на могильниках или рядом с ними	Отсутствие ритуальных комплексов
Наличие в женских захоронениях предметов сопроводительного инвентаря характерного для мужских погребений: луков, ножей	Четкое разделение сопроводительного инвентаря в соответствии с полом погребенных

Еще одним свидетельством стабильного существования усть-талькинской культуры до и после монгольского завоевания является функционирование на всем ее протяжении крупного торгового и ремесленного центра. Он располагался в устье р. Унги и был основан купцами из Средней Азии и, возможно, Китая. Остатками этого центра является Унгинское поселение. Данное поселение раскапывалось Ангарской археологической экспедицией АН СССР в 1958 и 1959 гг. Раскопками руководила Е.Ф. Седакина. Общее научное руководство осуществлял А.П. Окладников. Данное поселение располагалось на второй надпойменной террасе левого берега Унги в 6 км северо-западнее п. Балаганск. С севера оно примыкало к подножию горы Улан-Бор, с юга протекала р. Унга [7, с. 1–2]. Поселение занимало территорию в 9600 кв. м [8, с. 63]. Общая вскрытая площадь памятника за два года исследований составила 1636 кв. м.

Жители Унгинского поселения жили оседло. Дома были прямоугольной формы трех типов.

Тип 1. Деревянные, наземные. Стены домов сооружались из деревянных плах и вертикально поставленных столбов.

Тип 2. Глинобитные, наземные. Их стены делались из деревянного плетеного каркаса, обмазанного сверху глиной с примесью соломы.

Тип 3. Полуземлянка. Овальной формы, диаметром 5 м, глубиной 1 м.

В некоторых из жилищ фиксировались очаги и комельки. Рядом с домами располагались хозяйственные ямы и погребки округлой, овальной и прямоугольной формы для отбросов и хранения пищи. На поселении раскопан и большой загон для скота площадью в 120 кв. м, перекрытие было сделано из лиственничной коры. Вблизи жилых построек располагались плавильные горны с остатками криц и воздуходувных трубок [7, с. 21–29; 8, с. 64; 9, с. 32–52; 10, с. 294].

В культурных слоях поселения были найдены предметы импортного производства: фрагменты стеклянных кувшинов, а также ручки и горлышки, стеклянные браслеты [11, с. 18]. Судя по сохранившимся фрагментам, кувшины имели узкое горло с раструбом вверху. Стекло полупрозрачное, сильно иризированное. Цвет стекла светлый, голубовато-зеленый [11, с. 18; 12, с. 151]. Химический анализ стеклянных кувшинов Унгинского поселения показал, что наиболее близкие им аналогии имеются в стеклах Бухарского

(X–XI вв.) и Кеваткелинского оазисов (XII–XIV вв.) [13, с. 37].

Помимо стеклянных кувшинов на поселении были найдены железные и керамические светильники – чираги, имеющие ярко выраженный среднеазиатский облик [11, с. 18; 14, с. 149; 15, с. 112].

К предметам импортного производства относится и найденная на поселении печатка-гемма из халцедона. На ней вырезано изображение крылатого божества с телом быка и головой человека древнеиранского покровителя стад и пастухов Гопатшаха [11, с. 18; 12, с. 151].

Жители поселения занимались не только торговлей. Помимо купцов на поселении проживали и ремесленники – мастера-косторезы, металлурги. Об этом свидетельствуют многочисленные отходы косторезного производства (фрагменты обработанных рогов, обрезков заготовок и пр.), а также найденные орнаментированные резными изображениями оленей накладки на колчаны, подпружные пряжки из рога [16, с. 290–295, рис. 5, 6], накладка сложносоставного лука, костяные свистульки наконечников стрел, проколки.

Часть населения, проживавшего на Унгинском поселении, занималась земледелием. Свидетельством тому являются находки зерен проса, ячменя, пшеницы, ржи, конопли, а также многочисленный сельскохозяйственный инвентарь: железные серпы, мотыги и сошник, каменные жернова от ручных мельниц [17, с. 128–130].

Привозные изделия из стекла и керамики, сложные в изготовлении «престижные» предметы из кости и металла, продукты сельского хозяйства, производимые жителями Унгинского поселения, обменивались кочевниками-скотоводами Южного Приангарья на шкуры, рог и пушнину. Конечно, пушнина (мягкое золото) была основным предметом торгового обмена, она стекалась в Унгинское поселение со всех концов Предбайкалья, а затем вывозилась караванами в Среднюю и Центральную Азию.

Типологический анализ предметов, найденных на поселении, позволяет датировать его в рамках XII–XIV вв. К этой датировке пришло большинство исследователей, анализировавших его материалы [14, с. 150–151; 18, с. 204; 19, с. 32; 20, с. 118].

Унгинское поселение располагалось у подножия горы Улан-Бор, на которой находилось одноименное городище. Этот объект раскапывался Ангарской археологической экспедицией в 1957–1959 гг. Раскопками руководила Н.Н. Забелина. Научное руководство осуществлял А.П. Окладников.

Городище Улан Бор представляло собой небольшую ровную площадку (размером 60×90 м), несколько понижающуюся к краю обрыва, ограниченную с юга крутым обрывистым склоном. С трех других сторон эта площадка (цитадель) обнесена тремя рядами валов и ровов. За пределами цитадели прослеживался

неглубокий ровик с ответвлениями, кольцом охватывающий прилегающую к крепости территорию [21, с. 14–15]. За три сезона раскопок общая вскрытая площадь объекта составила 2560 кв. м [22; 23]. При раскопках внутренней площадки цитадели фиксировались остатки деревянных построек прямоугольной формы. В некоторых из них имелись очаги. Это позволило А.П. Окладникову и Н.Н. Забелиной сделать вывод о существовании на территории городища долговременных жилых построек [22, с. 21]. Однако со всей вскрытой площади городища получены только фрагмент стремени из рога, костяной наконечник стрелы, бронзовая серьга, обломок железного ножа, пряслице, несколько фрагментов керамики и незначительное количество колотых костей животных. При этом следует отметить, что фрагменты керамики с территории городища, украшенные прочерченным арочным орнаментом, полулунными вдавлениями, и бронзовая серьга датируются IX–XI вв. Вероятно, к этому времени и относится сооружение городища. Незначительное количество археологического материала, найденного при его раскопках, не позволяет говорить о существовании здесь долговременных жилых комплексов. В каком качестве существовало городище Улан-Бор в IX–XI вв. еще предстоит выяснить.

Городище Улан-Бор продолжало функционировать и в XII–XIV вв. Это подтверждает раскопанный на нем могильник. Захоронения обнаружены при раскопках одного из валов, опоясывающих центральную площадку. Всего было выявлено восемь безынвентарных мужских и женских погребений, черепа которых носили явные европеоидные черты. И.И. Гохман, проводивший антропологический анализ костных останков, однозначно высказался за принадлежность данных погребений людям памиро-ферганской расы, считая их выходцами из Средней Азии [24, с. 124].

По двум погребениям получены радиоуглеродные даты: №7 – 560±40 л.н. (ГИН-6642) и №8 – 350±50 л.н. (ГИН-6643) [19, с. 173]. Первая дата соответствует XIV в., что вполне приемлемо. Вторую дату – XVII в. – следует признать неверной. Подобный разброс дат встречается часто и не должен удивлять исследователей. Для более точного датирования необходима была большая серия дат и их последующая корреляция [3, с. 136–138].

По нашему мнению, крайне незначительное количество археологических находок, наличие могильника на валу позволяет утверждать, что в XII–XIV вв. городище Улан-Бор могло использоваться в качестве культового центра – святилища, а деревянные строения в цитадели были своеобразными молевыми домами. К такому же выводу пришел и Б.Б. Дашибалов [19, с. 55].

Таким образом, у нас есть все основания считать, что городище Улан-Бор с остатками культовых построек и могильник на валу принадлежат жителям Унгинского поселения – выходцам из Средней Азии.

Конечно, на Унгинском поселении могли проживать не только среднеазиатские, но и местные ремесленники и кочевники-скотоводы.

А.П. Окладников датировал Унгинское поселение и городище Улан-Бор VI–X вв. считая, что среднеазиатская фактория существовала здесь в период, когда лесостепные пространства Предбайкалья были заселены кочевыми племенами курумчинской культуры [11, с. 17–19; 25, с. 23–24; 26]. Предложенная исследователем датировка не согласуется с анализом предметного комплекса и радиоуглеродным датированием этих объектов. Тем не менее мы согласны с предположением А.П. Окладникова о возможном появлении среднеазиатских торговых факторий на территории Предбайкалья уже в IX–XI вв. Подтверждением этому являются находки, сделанные нами при раскопках средневекового поселения Тоток. Это поселение расположено в 35–40 км севернее Унгинского на левом берегу Братского водохранилища. В 2004 г. в трех хозяйственных сооружениях, раскопанных на этом объекте, найдена керамика среднеазиатского производства, выполненная на гончарном круге, с желто-зеленой поливой и фрагменты керамических светильников, один из которых также имеет светло-зеленую поливу. По костям животных из слоя и сооружений получена серия радиоуглеродных дат: 995±40 л.н. (СОАН-4586), 860±25 л.н. (СОАН-4587), 965±55 л.н. (СОАН-6333). Опираясь на них и исходя из анализа предметного комплекса, время существования поселения Тоток – IX–XI вв. н.э. [27, с. 156].

Дополняют характеристику культурно-хозяйственной деятельности населения юга Средней Сибири до и после монгольского завоевания материалы других раскопанных поселенческих комплексов. К ним следует отнести верхние горизонты поселений на островах Лесной и Сосновый в верховьях Ангары, верхний горизонт поселения Шохтой в Кудинской долине, Усть-Талькин (Южное Приангаре), а также многочисленные подъемные материалы с разрушенных Иркутским и Братским водохранилищами и распаханых при освоении «целинных» земель поселений, стоянок и стойбищ в долинах Ангары, Куды, Лены и их притоков.

Исследованные комплексы можно разделить на четыре типа:

Тип 1. Долговременные поселения – зимники. Принадлежат кочевникам-скотоводам. Располагаются в долинах небольших речек, в местах хорошо защищенных от северо-западного ветра, под склонами гор, на небольших выположенных мысовидных уступах. Площадь поселений небольшая – 1 000–2 500 кв. м. Все сооружения расположены компактно. Данный тип поселений характеризуется наличием жилищ-полуземлянок и, вероятно наземных, многочисленных хозяйственных и производственных сооружений, загонов для скота, а также значительным культурным

слоем, мощностью до 0,5 м, обилием предметов материальной культуры и фаунистических остатков. Примером данного типа является поселение Усть-Талькин. Объект исследовался Ангарской археологической экспедицией в 1957–1959 гг. Раскопками руководила Е.Ф. Седакина.

Поселение располагалось на выположенном юго-восточном склоне горного массива в 200 м восточнее протекала Ангара, с юга оно примыкало к руслу р. Талькин [9, с. 22–27]. Особенностью этого поселения были хорошо заметные ямы – западины округлой формы диаметром до 5 м. Таких ям выявлено свыше 40. Они располагались без определенного порядка по всей площади объекта. К сожалению, раскопки памятника производились не сплошной площадью, а локально – над визуально читаемыми западинами жилищ разбивались небольшие раскопы. Всего, таким образом, исследованы 8 жилищ-полуземлянок (№1–3, 6–8, 10–11) и одна хозяйственная яма (№9). Полуземлянки округлой формы (№3, 6–8, 10–11) глубиной до 1 м, диаметром 4, 6 м и овальной формы (№1, 2) размерами 5,4×7,3 и 7×8 м (рис. 3.-1–3). Стенки котлованов вертикальные, в некоторых случаях имеют обкладку берестой и корой. В центре находился очаг диаметром 0,6 м для обогрева и приготовления пищи, обычно обложенный камнями. Жилища имели купольный или конусный деревянный верх, покрывавшийся берестой или корой. В качестве опор каркаса крыш использовались вертикально поставленные столбы, остатки которых имелись на дне сооружений. Вход в полуземлянки располагался с северо-западной, юго-восточной и восточной сторон и был шириной от 0,7 до 2 м [9, с. 23–27; 8, с. 65; 21, с. 105–110].

Поскольку исследования велись небольшими раскопками, то археологического материала было немного. В основном он представлен небольшим количеством фрагментов керамических сосудов. Керамика преимущественно гладкостенная без орнамента. Имеются фрагменты, украшенные резными свисающими линиями и ромбиками, а также косыми насечками по краю венчиков. Помимо керамики в жилищах найдены костяные проколки (рис. 3.-6–8), железный гвоздь, обломки каменного молота и песта, пряслица (рис. 3.-5), колотые кости животных [8, с. 65; 21, с. 2–5]. Наиболее интересной и важной находкой является плитка красноцветного кембрийского песчаника размером 10×11 см, толщиной 3 см, обнаруженная рядом с очагом в жилище №6 [9, с. 25]. На плитке тонкими резными линиями нанесен рисунок – лошадь, везущая кибитку (рис. 3.-4). Данная техника и стиль рисунка характерны для наскальных изображений усть-талькинской культуры [3, с. 159; 28, с. 131; 29, с. 275–282, рис. 10–12]. Наиболее близкие аналогии данному рисунку имеются среди петроглифов Шишкинской писаницы, которые датируются А.П. Окладниковым 1-й половиной II тыс. н.э. [12, с. 170–176].

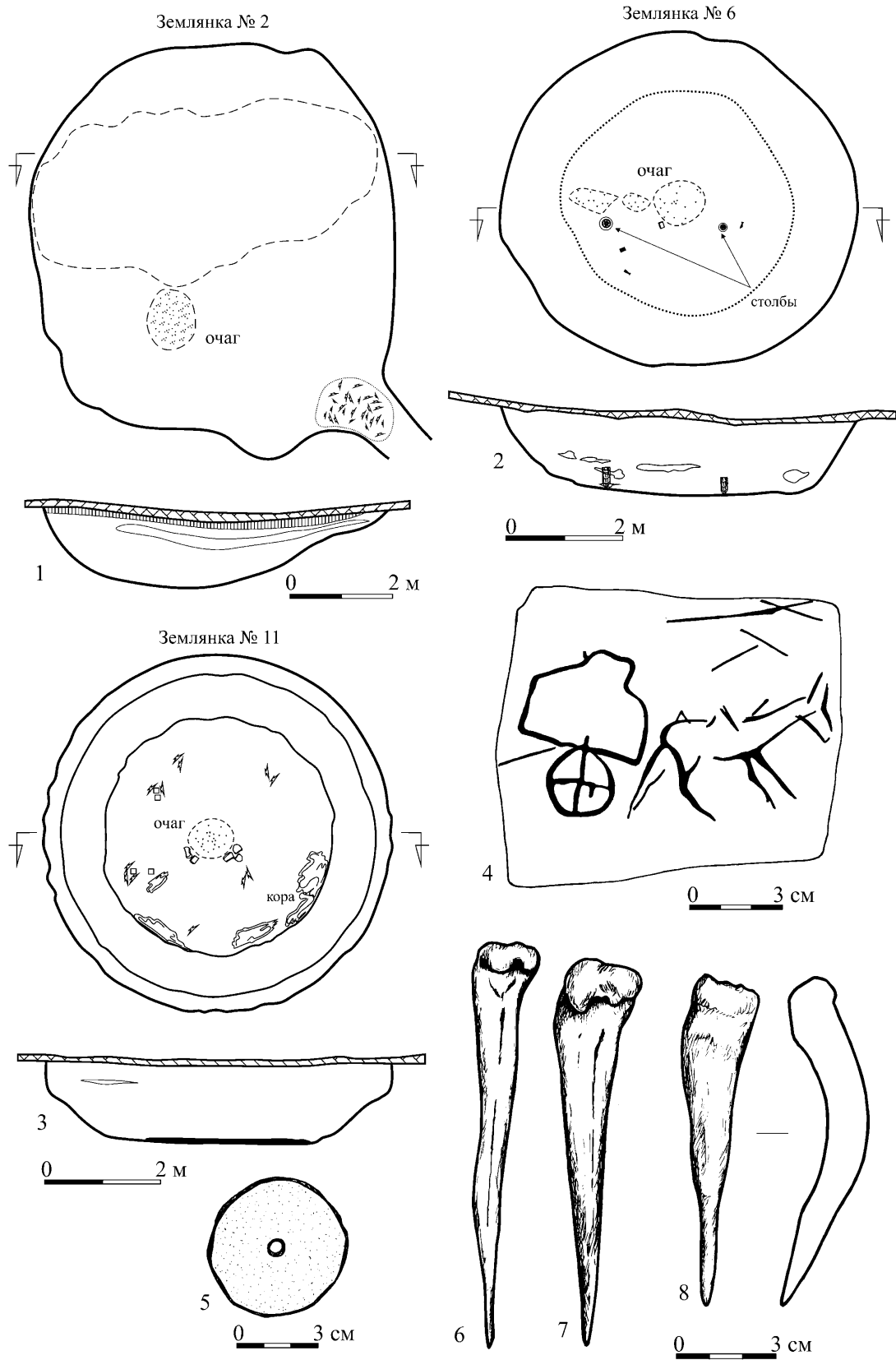

Рис. 3. Поселение Усть-Талькин: 1–3 – планиграфия и разрезы жилищ; 4 – плитка с рисунком из землянки №6; 5 – пряслице из землянки №3; 6–8 – шилья-проколки из землянки №2

Тип 2. Кратковременные стойбища-летники. Принадлежат кочевникам-скотоводам. Располагаются на широких пространствах в долинах крупных рек Предбайкалья, на пойме, первой–второй террасе. Данный тип поселений характеризуется отсутствием мощного культурного слоя. Находки предметов материальной культуры и остатки фауны редки и разбросаны на значительной площади. Остатки жилищ и хозяйственных сооружений практически отсутствуют. Этот тип поселений мало исследован и представлен, в основном, подъемными сборами.

Тип 3. Островные поселения. К данному типу относятся раскопанные в 1951–1955 гг. экспедицией АН СССР под руководством А.П. Окладникова поселения на островах Лесной, Сосновый в верховьях Ангары [11, с. 9–11; 25, с. 20–21; 30, с. 85–93]. Поселения занимали практически всю площадь острова. Они принадлежали ремесленникам-металлургам. На каждом из них было вскрыто свыше 3 000 кв. м. При раскопках фиксировались многочисленные производственные комплексы (горны, хозяйственные ямы и пр.). Культурный слой значительный, мощностью до 0,35 м, богат остатками материальной культуры, в первую очередь металлургического производства (шлаки, крицы, воздуходувные трубки, молоты и наковальни из кварцита для дробления руды, изделия из металла и пр.). Имелись остатки жилых построек в виде чумов, закрывавшихся берестой [30, с. 85–93].

А.П. Окладников датировал культурные горизонты этих поселений бронзовым, ранним железным веком и средневековьем – VI–X вв. [11, с. 10; 25, с. 20–21]. Однако наличие большого количества плоских наконечников стрел, черешковых ножей и скобчатых овальных кресал, типологически сходных с таковыми из погребальных комплексов усть-галькинской культуры, позволяет предположить, что часть материалов поселений относится, по крайней мере, к XII в. [3, с. 65–66, 159]. На эту датировку указывает и находка на одном из островов двух китайских бронзовых монет. Так, в 1953 г. во время раскопок на острове Лесном у края одной из очажных ям были найдены две китайские монеты «Сяньфу Юаньбао». Данные монеты выпускались при императоре Чжень-цзуне династии Сун в период Дачжун сяньфу (1008–1016 гг.) [31, с. 79].

Наличие крупных поселений на островах связано с гидрологическим режимом Ангары на участке в 80 км (от истока до Иркутска). Здесь никогда не бывало наводнений. А самое главное состоит в том, что на протяжении почти 30 км от устья в сторону Иркутска река не замерзает в самые суровые зимы, а далее до Иркутска замерзает со значительным запозданием и не всегда [32, с. 1]. Это связано с особенностями годового хода температуры оз. Байкал, объясняемыми большой массой его воды и скоростью течения Ангары [32, с. 8]. Такой своеобразный режим реки, по нашему

мнению, создавал естественную защиту территории в виде незамерзающих протоков от неожиданного нападения врага, что крайне важно для долговременных поселений ремесленников.

Тип 4. Кратковременные стоянки. Данные стоянки принадлежат небольшим группам охотников-промысловиков. Находятся на террасах или высокой пойме, в долинах крупных рек и их притоков. Занимают небольшую (от 100 до 500 кв. м) площадь. Культурный слой незначителен, но находки располагаются компактно. При раскопках фиксируются кострища и очаги, редкие предметы материальной культуры и незначительное количество фаунистических остатков. Примером могут служить стоянки Никола в верховьях Ангары, Черное на р. Илге (верхняя Лена), исследованные автором в 1991 и 1997 гг., и др.

Материалы погребальных комплексов, поселений, стойбищ и стоянок свидетельствуют о том, что местное население юга Средней Сибири в XII–XIV вв. занималось преимущественно разведением крупного и мелкого скота (лошадей, коров, овец, коз), охотой и собирательством. Существовали также торговые-ремесленные поселения (Унгинское) и специализированные поселения металлургов (о-ва Сосновый, Лесной), население которых было оседлым и занималось определенными видами ремесла (косторезное, металлургическое), рыболовством, земледелием и торговлей.

Скотоводство усть-галькинцев было кочевым сезонным и состояло из двух, реже трех-четырёх (летом) перекочевков. В летнее время осваивались пастбища преимущественно в широких долинах рек Ангары, Куды, Унги, Осы, Манзурки и пр. В зимний период перекочевывали в места, хорошо защищенные от ветра, в небольшие долины притоков этих рек. Видовой состав стада: лошади, коровы, овцы, козы. Вероятно, население Предбайкалья в небольшом количестве разводило и верблюдов [33, с. 53; 34, с. 153–154].

Охотой занимались преимущественно в зимнее время. Промысловыми животными были косуля, изюбрь, кулан, зубр, лось, медведь. Из пушных зверей охотились на лисицу, светлого хоря, зайца, соболя и белку. Анализ фаунистических остатков поселений свидетельствует о том, что особенно широко распространена была загонная охота на косулю [33, с. 52–53, табл. 24; 34, с. 151–152; 35, с. 181]. Помимо добычи зверя охотились на птиц – уток, а также в незначительной степени занимались рыбной ловлей [32, с. 52].

Собирательством в летний период занимались старики, женщины и дети. С помощью специальных лопаточек с удлиненными широкими железными плоскими лезвиями выкапывались корни съедобных растений [17, с. 130]. Сбору подлежали также дикие лук и чеснок, ягоды черемухи, малины, брусники, черники и пр.

Существенно дополняют общую картину жизни усть-галькинцев наскальные изображения. Они

расположены на скальных выходах красноцветного кембрийского песчаника в долинах рек Ангары, Лены, Манзурки, Куленги, Куды, Унги. Наиболее информативными среди них являются петроглифы Шишкинской писаницы, Куницыно, Коркино, Пона-

мореве (Давыдово), Тальма (верхняя Лена), Манхай-II, Улан-Хада (р. Куды), Хашхай (р. Унга) и др. Все они выполнены в технике гравировки и глубоких резных линий, крайне редко в сочетании гравировки и протира. Петроглифы расположены на светлых открытых

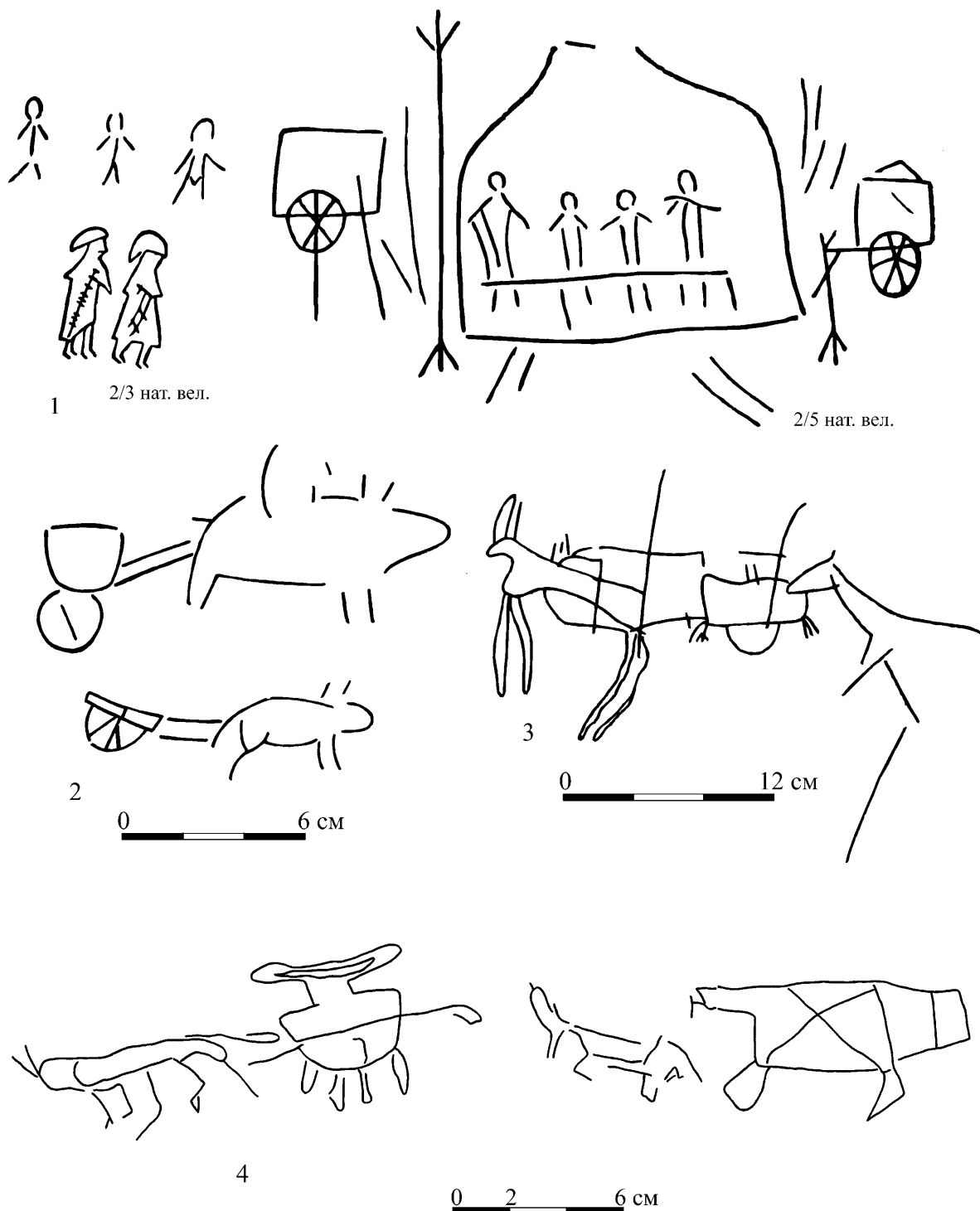

Рис. 4. Петроглифы усть-галькинской культуры, сцены перекочевок: 1 – Манхай-II (р. Куды), по П.П. Хороших, 1951 г.; 2 – Байтог (р. Куды), по П.П. Хороших, 1957 г.; 3–4 – Шишкинская писаница (верхняя Лена), фрагменты композиций (авторские копии В.С. Николаева и Л.В. Мельниковой)

плоскостях южной экспозиции, в некоторых случаях (Куницыно) вообще не имеющих скальной корочки [28, с. 131].

Основными сюжетами петроглифов усть-талкинской культуры являются:

1. Многофигурные и парные изображения, передающие сцены охоты на косулю. Они делятся на три группы:

– одиночная охота всадника на косуль, оленей или лосей;

– загонная охота всадников на косуль с помощью луков;

– загонная охота с помощью ловчих сетей.

Характерными чертами изображений животных является статичность поз, а также заполнение внутреннего пространства фигур косыми и прямыми пересекающимися линиями [28, с. 141, рис. 9; 29, с. 280, рис. 12.-2].

2. Многофигурные композиции и одиночные изображения, передающие сцены перекочевков (рис. 4). Таких сцен, относящихся к усть-талкинской культуре, немного. Две из них находятся на Шишкинской писанице (верхняя Лена), две зафиксированы в Кудинской долине – на городище Манхай-II и на горе Байтог [29, с. 277, рис. 10; 36; 37].

3. Многофигурная композиция, передающая военную сцену, находится на писанице Тальма в долине р. Куленги (левый приток Лены). Здесь имеются изображения тяжело- и легковооруженных всадников, а также пеших воинов-лучников [29, с. 279, рис. 11].

4. Многофигурная композиция и одиночные рисунки жилищ [29, с. 280, рис. 12.-5].

5. Многофигурные композиции и одиночные фигуры, состоящие из изображений как диких (косуль, оленей, лосей), так и домашних (лошадей, верблюдов) животных [29, с. 280, рис. 12.-2, 3].

6. Многофигурные композиции и одиночные изображения змей. Наиболее представительная группа данных рисунков имеется на писанице Куницыно на верхней Лене [28, с. 141, рис. 9.-4].

7. Многофигурные композиции и одиночные изображения антропоморфных. Имеются как условно-схематичные рисунки, так и реалистичные, где у людей обозначены глаза, нос, рот, волосы, бороды, пальцы [29, с. 280, рис. 12.-1].

8. Одиночные изображения всадников. Встречаются практически на всех писаницах в долинах рек Ангары, Куды и Лены.

9. Знаковые изображения и руническая надпись орхоно-енисейского письма. Одна, бесспорно руническая, надпись, сопровождающая рисунки усть-талкинской культуры, скопирована нами на писанице Пономарево (Давыдово) на верхней Лене.

В заключение хотелось бы отметить, что приведенные нами многочисленные археологические материалы убедительно свидетельствуют о том, что у кочевых племен, заселявших лесостепные пространства юга Средней Сибири в конце XI – начале XII в., складывается оригинальная археологическая культура, названная нами усть-талкинской [1–3] (рис. 1).

В XIII в. происходит завоевание Предбайкалья монголами. Однако это не повлекло за собой переселение или уничтожение местных племен или их культурных традиций. Наоборот, после вхождения юга Средней Сибири в состав монгольской державы усть-талкинская культура в своем развитии получила дополнительный и достаточно сильный толчок, продолжавшийся до конца XIV в. – начала XV в. В этот период наблюдается значительный подъем хозяйственной и культурной жизни населения, активно развиваются внутренние и внешние торгово-экономические связи между населением Предбайкалья, Центральной и Средней Азией.

Библиографический список

1. Николаев, В.С. Новые средневековые погребения с конем в Приангарье / В.С. Николаев // Цибиловские чтения: проблемы истории и культуры монгольских народов. – Улан-Удэ, 1993.

2. Николаев, В.С. Погребальные комплексы Южного Приангарья первой половины II тыс. н.э.: усть-талкинская культура : автореф. дис. ... канд. ист. наук / В.С. Николаев. – Владивосток, 2003.

3. Николаев, В.С. Погребальные комплексы кочевников Юга Средней Сибири в XII–XIV веках: усть-талкинская культура / В.С. Николаев. – Владивосток; Иркутск, 2004.

4. Сокровенное сказание монголов : пер. С.А. Козина. – Улан-Удэ, 1990.

5. Лубсан Данзан. Алтан Тобчи («золотое сказание») : пер. и коммент. Н.П. Шастиной. – М., 1973.

6. Николаев, В.С. Средневековое погребение у п. Балаганск / В.С. Николаев // Известия Лаборатории древних технологий. – Иркутск, 2006. – Вып. 4.

7. Окладников, А.П. Отчет о работе Второго Балаганского отряда Ангарской экспедиции в 1958 году / А.П. Оклад-

ников, Е.Ф. Седякина // Архив ИА РАН. Р-1. №1789.

8. Седякина, Е.Ф. Новое из истории тюрков Прибайкалья / Е.Ф. Седякина // Научная конференция по истории Сибири и Дальнего Востока. Подсекция археологии, этнографии и антропологии Сибири и Дальнего Востока. – Иркутск, 1960.

9. Седякина, Е.Ф. Отчет о работе Второго Балаганского отряда Братской археологической экспедиции (1959 г.) / Е.Ф. Седякина, А.П. Окладников // Архив ИА РАН. Р-1. №2026.

10. Седякина, Е.Ф. Курыканы / Е.Ф. Седякина // История Сибири. – Л., 1968. – Т. 1.

11. Окладников, А.П. Прошлое Приангарья в свете археологии (в связи с археологическими работами на строительстве ангарских гидроэлектростанций) / А.П. Окладников // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. – Новосибирск, 1971. – Ч. 1.

12. Окладников, А.П. Шишкинские писаницы – памятник древней культуры Прибайкалья / А.П. Окладников. – Иркутск, 1959.

13. Абдуразаков, А.А. О связях народов Средней Азии с Сибирью / А.А. Абдуразаков // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. – Алма-Ата, 1987.
14. Дашибалов, Б.Б. Среднеазиатские торговые фактории в Баргуджин-Токуме / Б.Б. Дашибалов // Древности Востока. – М., 2004.
15. Дашибалов, Б.Б. На монголо-тюркском пограничье (этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века) / Б.Б. Дашибалов. – Улан-Удэ, 2005.
16. Николаев, В.С. Колчаны кочевников Предбайкалья и Прибайкалья в XII–XIV вв. / В.С. Николаев // Известия Лаборатории древних технологий. – Иркутск, 2006. – Вып. 4.
17. Седякина, Е.Ф. О земледелии у курыкан / Е.Ф. Седякина // Известия СО АН СССР. Сер. обществ. наук. – Новосибирск, 1971. – №1.
18. Кызласов, Л.Р. История Тувы в средние века / Л.Р. Кызласов. – М., 1969.
19. Дашибалов, Б.Б. Археологические памятники курыкан и хори / Б.Б. Дашибалов. – Улан-Удэ, 1995.
20. Харинский, А.В. Предбайкалье в конце I тыс. до н.э. – середине II тыс. н.э.: генезис культур и их периодизация / А.В. Харинский. – Иркутск, 2001.
21. Окладников, А.П. Сводный Отчет о работе Ангарской археологической экспедиции в 1957 году / А.П. Окладников // Архив ИА РАН. Р-1. №1649.
22. Окладников, А.П. Отчет о работе Первого Балаганского отряда Ангарской археологической экспедиции в 1958 году / А.П. Окладников, Н.Н. Забелина // Архив ИА РАН. Р-1. №1790.
23. Окладников, А.П. Отчет о работах Первого Балаганского отряда Братской археологической экспедиции в 1959 году / А.П. Окладников, Н.Н. Забелина // Архив ИА РАН. Р-1. № 2024.
24. Гохман, И.И. Среднеазиатская колония в Прибайкалье / И.И. Гохман // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. – М., 1968.
25. Окладников, А.П. Археологические работы в зоне строительства ангарских гидроэлектростанций (общие итоги) / А.П. Окладников // Зап. Иркут. краевед. музея. – Иркутск, 1958.
26. Окладников, А.П. Новые данные по истории Прибайкалья в тюркское время (согдийская колония на р. Унге?) / А.П. Окладников // Тюркологические исследования. – М.; Л., 1963.
27. Николаев, В.С. Некоторые итоги изучения поселенческих комплексов юга Средней Сибири эпохи средневековья / В.С. Николаев // Вестник ИРГТУ. – Иркутск, 1996. – Т. 1, №4.
28. Николаев, В.С. Периодизация петроглифов верхней Лены / В.С. Николаев, Л.В. Мельникова // Археологическое наследие Байкальской Сибири. – Иркутск, 2002. – Вып. 2.
29. Мельникова, Л.В. Периодизация петроглифов Предбайкалья / Л.В. Мельникова, В.С. Николаев // Известия Лаборатории древних технологий. – Иркутск, 2006. – Вып. 4.
30. Асеев, И.В. Прибайкалье в средние века / И.В. Асеев. – Новосибирск, 1980.
31. Шавкунов, Э.В. Новые нумизматические находки в Прибайкалье и Приморском крае / Э.В. Шавкунов // Эпиграфика Востока. – М.; Л., 1958. – №XII.
32. Шостакович, В.Б. О причинах позднего замерзания реки Ангары / В.Б. Шостакович // Известия ВСОРГО. – 1904. – Т. 34, №1.
33. Ермолова, Н.И. Териофауна долины Ангары в позднем антропогене / Н.И. Ермолова. – Новосибирск, 1978.
34. Каспаров, А.К. Остатки млекопитающих из средневекового городища Манхай в Прибайкалье / А.К. Каспаров // Палеоэтнологические исследования на юге Средней Сибири. – Иркутск, 1991.
35. Клементьев, А.М. Фаунистическая характеристика средневекового поселения Тоток / А.М. Клементьев, В.С. Николаев // Известия Лаборатории древних технологий. – Иркутск, 2007. – Вып. 5.
36. Хороших, П.П. Писаницы на горе Манхай-II (Кудинские степи) / П.П. Хороших // КСИИМК. – М., 1951. – №XXXVI.
37. Хороших, П.П. Наскальные изображения на горе Байтог / П.П. Хороших // Записки БМНИИК. – Улан-Удэ, 1957. – Вып. XXIII.